

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250>

Исследовательская статья
УДК: 341.01
Поступила в редакцию: 02.04.2026
Принята к публикации: 15.06.2026

Андрей Андреевич ДАНЕЛЬЯН

Дипломатическая академия МГИМО МИД России
Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация
danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Константин Вадимович КАНЦЕРОВ

Дипломатическая академия МГИМО МИД России
Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация
kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

ВВЕДЕНИЕ. Предметом исследования выступает конституционная модель взаимодействия международного и национального права Республики Казахстан, претерпевшая изменения в результате принятия новой редакции Конституции на референдуме 15 марта 2026 года. Актуальность обусловлена необходимостью теоретического осмысления отказа от ранее закрепленного приоритета ратифицированных международных договоров над законами и перехода к модели, в которой международные обязательства сохраняются в структуре действующего права, но их применение опосредуется законодательством и подчиняется верховенству Конституции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Материалами послужили тексты Конституции Республики Казахстан в редакциях 1995 и 2026 годов, нормативные постановления Конституционного Суда и Верховного Суда, отраслевое законодательство (уголовное, уголовно-процессуальное), универсальные и региональные международные договоры с участием Казахстана, доктринальные источники. Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ

нормативных текстов), сравнительно-правовой метод (сопоставление доктринальных концепций монизма, дуализма, координации), метод доктринального толкования и анализа судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В содержании статьи раскрывается эволюция конституционной модели Казахстана: от закрепленного в прежней редакции приоритета ратифицированных международных договоров над законами к новой конструкции, в которой международные договорные обязательства остаются частью действующего права, но их внутригосударственное действие в большей степени опосредуется законом и подчинено верховенству Конституции. Установлено, что новая Конституция (ст. 5) включает международные договорные обязательства в состав действующего права, но при этом закрепляет верховенство Конституции и определяет, что порядок применения международных договоров устанавливается законом. Ратифицированные договоры сохраняют приоритет над законами (но не над Конституцией), однако их непосредственное действие ограничено необходимостью

законодательного опосредования в случаях, требующих детализации. Выявлено, что предложенная модель не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, поскольку оставляет за государством свободу выбора внутригосударственных механизмов имплементации. На примере участия Казахстана в базовых международных договорах в сфере противодействия преступности показано, что успешная имплементация требует согласования международных норм с национальным уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. Новая Конституция Казахстана фиксирует не отказ от международно-правовой открытости, а переход к конституционно упорядоченной модели выполнения международных обязательств, в рамках которой международные договоры реализуются через четко определенные внутригосударственные процедуры и под контролем Конституционного Суда. Такая модель повышает уровень правовой определенности, позволяет сохранять структурную целостность национальной

правовой системы и одновременно задает перспективу дальнейшего развития механизмов имплементации, направленного на преодоление разрывов между конституционными установлениями и реальной правоприменительной практикой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: взаимодействие, международное право, национальное право, Республика Казахстан, Конституция 2026 года, имплементация, суверенитет, правовая система, международное сотрудничество по противодействию преступности

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Данельян А.А., Канцеров К.В. 2026. Конституционная реформа и международное право в правовой системе Республики Казахстан. – Московский журнал международного права. № 2. С. 239–250. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250>

Andrey A. DANELYAN

MGIMO Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021
danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Konstantin V. KANTSEROV

MGIMO Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021
kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

Research article
UDC: 341.01
Received 2 April 2025
Approved 15 June 2026

CONSTITUTIONAL REFORM AND INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

INTRODUCTION. *The subject of the study is the constitutional model of interaction between international and national law in the Republic of Kazakhstan, which underwent changes because of the adoption of the new version of the Constitution in the referendum of March 15, 2026. Relevance is determined by the need for theoretical reflection on the abandonment of the previously enshrined priority of ratified international treaties over laws and the transition to a model where international obligations remain part of the current law, but their application is mediated by legislation and subordinated to the supremacy of the Constitution.*

MATERIALS AND METHODS. *The materials include the texts of the Constitution of the Republic of Kazakhstan in the 1995 and 2026 versions, normative resolutions of the Constitutional Court and the Supreme Court, sectoral legislation (criminal, criminal procedure), universal and regional international treaties to which Kazakhstan is a party, and doctrinal sources. The methodological basis comprises the formal-legal method (analysis of normative texts), the comparative-legal method (comparison of doctrinal concepts of monism, dualism, coordination), and the method of doctrinal interpretation and analysis of judicial practice.*

RESEARCH RESULTS. *The content of the article reveals the evolution of Kazakhstan's constitutional model: from the priority of ratified international treaties over laws enshrined in the previous version, to a new construction in which international treaty obligations remain part of the current law, but their domestic effect is to a greater extent mediated by legislation and subordinated to the supremacy of the Constitution. It is established that the new Constitution (Article 5) includes international treaty obligations in the current law, while at the same time affirming the supremacy of the Constitution and stipulating that the procedure for applying international treaties is determined by law. Ratified treaties*

retain priority over laws (but not over the Constitution); however, their direct effect is limited by the need for legislative mediation in cases requiring specification. It is revealed that the proposed model does not contradict the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties, as it leaves the state free to choose domestic implementation mechanisms. Using the example of Kazakhstan's participation in basic international treaties in the field of crime counteraction, it is shown that successful implementation requires the alignment of international norms with national criminal and criminal procedure legislation.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *The new Constitution of Kazakhstan does not signify a rejection of international legal openness, but rather a transition to a constitutionally ordered model of implementing international obligations, in which international treaties are applied through clearly defined domestic procedures and under the supervision of the Constitutional Court. Such a model enhances legal certainty, preserves the structural integrity of the national legal system, and at the same time sets the perspective for further development of implementation mechanisms aimed at overcoming gaps between constitutional provisions and actual law enforcement practice.*

KEYWORDS: *interaction, international law, national law, the Republic of Kazakhstan, the 2026 Constitution, implementation, sovereignty, legal system, international cooperation in combating crime*

FOR CITATION: Danelyan A.A., Kantserov K.V. Constitutional Reform and International Law in the Legal System of the Republic of Kazakhstan. – *Moscow Journal of International Law*. 2026. No. 2. P. 239–250. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-2-239-250>

The authors declare the absence of conflict of interest.

Введение

Проблема соотношения международного и национального права относится к числу фундаментальных проблем современной юридической науки, поскольку

именно от ее решения зависит характер включения международных обязательств государства во внутригосударственный правовой порядок, пределы их действия, способы толкования и применения, а также устойчивость всей системы правового регулирования¹. В современной доктрине подчеркивается, что обеспечение верховенства

¹ Бирюков П.Н., Галушко Д.В. *Сравнительное правоведение*. Учебник. Москва: Проспект, 2020. С. 48–49.

права на национальном и международном уровнях предполагает «необходимость взаимодействия международного и внутригосударственного права, гармоничного развития международной и национальных правовых систем» [Осминин 2014:106]. От того, насколько последовательно выстраивается такое взаимодействие, во многом зависит не только степень реального выполнения международных обязательств, но и уровень доверия со стороны других государств и дальнейшее развитие международного сотрудничества и интеграции².

Основная часть

В международно-правовых исследованиях данная проблема традиционно связывается с монистической и дуалистической моделями, каждая из которых по-своему отвечает на вопрос о том, являются ли международное и национальное право частями единого правопорядка либо самостоятельными системами, требующими особого механизма взаимосвязи [Каширкина 2009]. Как отмечается, «позднее была выдвинута теория координации в качестве попытки устранить недостатки предыдущих концепций, однако и она не смогла отразить многоаспектность соотношения этих правовых систем. Современные процессы взаимодействия международного права и национального права настолько сложны и разноплановы, что о дуализме, монизме и координации можно говорить лишь применительно к определенному случаю или уровню анализа» [Интернационализация ... 2017:38]. В наибольшей степени это проявляется в государствах, где международные договоры включаются во внутренний правопорядок в соответствии с конституционными установлениями: международно-правовые нормы реципируются (трансформируются), при необходимости с оговорками и изменениями, и в итоге применяются национальными субъектами права в рамках закрепленного Основным Законом порядка имплементации [Вельяминов 2015:102].

В правовой системе Республики Казахстан проблема соотношения международного и национального права имеет давний и устойчивый характер, что неоднократно подчеркивается в казахстанской науке и практике конституционного правосудия [Кембаев 2013]. Конституция Республики Казахстан 1995 года закрепила норму, согласно которой международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует необходимость издания закона для его применения³. Данная формула, закрепленная в п. 3 ст. 4 Конституции, стала одной из ключевых конституционных конструкций, определивших место международного договора в системе источников права Казахстана и обеспечивших высокий уровень открытости национального правопорядка международному праву⁴. В научной литературе подчеркивается, что данная норма одновременно выражает уважение к международно-правовым обязательствам государства и закрепляет механизм их непосредственного действия во внутригосударственной сфере, что сближает казахстанскую модель с монистическими подходами, но не исключает элементов дуализма, особенно в тех случаях, когда для реализации договора требуется специальное законодательное оформление [Абайдельдинов 2006:14-15]. Однако, как отмечают исследователи, «Казахстан не придерживается какой-либо концепции соотношения международного и национального права полностью» [Ракишева 2014:215].

Значение указанной конституционной нормы состоит не только в признании приоритета ратифицированных международных договоров перед законами, но и в том, что она создала основу для прямого обращения судов и иных правоприменительных органов к международно-правовым положениям как к действующим нормам национальной правовой системы. Именно это позволило в казахстанской доктрине закрепить подход, согласно которому международный

² Галушко Д.В. Теория и практика правового регулирования интеграционных процессов в свете вызовов Брекзита. Дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2023. 544 с.

³ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. и доп.). – ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.03.2026).

⁴ См., напр.: Международные договоры в правовой системе Республики Казахстан. – Портал нормативных правовых актов Республики Казахстан. 15.06.2025. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=33073223 (дата обращения: 20.03.2026).

договор рассматривается как особый источник права, обладающий двойственной природой: с одной стороны, он выступает актом международного права, с другой – после ратификации и вступления в силу для Республики Казахстан включается в национальный правовой порядок и действует в нем как внутренняя норма⁵. Такая двойственность особенно заметна в тех сферах, где договорные положения непосредственно затрагивают права и свободы человека, а также вопросы международного сотрудничества в сфере противодействия преступности.

Особое значение в данном контексте имеет официальное толкование п. 3 ст. 4 Конституции Республики Казахстан, данное Конституционным Советом Республики Казахстан. В нем разъясняется, что ратифицированные Республикой Казахстан международные договоры подлежат непосредственному применению и обладают приоритетом перед законами, однако не могут противоречить Конституции как акту высшей юридической силы и применяются только в ее конституционных пределах⁶. Это толкование закрепило важнейший принцип: международный договор включается в правовую систему государства, но действует в ней в конституционно определенных пределах. Принцип приоритета положений международных договоров закреплён и в отраслевом, специальном законодательстве. Так, в ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан установлено, что если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, что содержатся в настоящем Кодексе, то применяются правила международного договора⁷. Аналогичные нормы содержатся в Уголовном кодексе (ст. 1)⁸ и других кодексах.

Именно поэтому в казахстанской доктрине подчеркивается, что при анализе соотношения международного и национального права

необходимо учитывать не только сам факт ратификации международного договора, но и его соотношение с конституционными положениями и действующим законодательством, особенности содержания соответствующей международной нормы и характер регулируемых ею отношений; решение о включении такой нормы во внутреннее право должно приниматься применительно к каждому конкретному нормативному акту, с одновременным установлением общих механизмов предотвращения коллизий и расхождений в регулировании схожих правоотношений [Абыласимов 2021:96].

Имплементация норм права международных договоров не сводится к простому дублированию их текста во внутреннем законодательстве: она предполагает согласование международных обязательств с действующей системой нормативных правовых актов, учет особенностей национальной правовой системы, а также выработку механизмов их реализации и контроля на внутригосударственном уровне, прежде всего, в уголовно-правовой сфере, в области противодействия преступности. Для Казахстана это особенно важно, поскольку, как справедливо отмечается в доктрине, именно от качества национального правового механизма имплементации зависит реальная эффективность международных договоров в правовой системе Республики Казахстан [Мусин 2018].

Конституционная реформа 2025–2026 годов, завершившаяся принятием новой редакции Основного закона на референдуме 15 марта 2026 года, изменила архитектуру этих отношений⁹.

По официальному тексту новой Конституции, в соответствии с п. 1 ст. 5, действующее право Республики Казахстан теперь включает, наряду с Конституцией, законами, нормативными постановлениями Конституционного суда и Верховного суда, также международные договорные обязательства Республики Казахстан. Однако

⁵ Сафонова О.Н. Новации в гражданском праве Республики Казахстан под влиянием международного права. – *Zakon.kz*. 2012. URL: <https://www.moluch.ru/archive/89/17842> (дата обращения: 20.03.2026).

⁶ См.: Об официальном толковании пункта 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан: Постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 11 октября 2000 г. № 18/2. – *ИПС «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/S000000018> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан : Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231> (дата обращения: 20.03.2026).

⁸ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=2529;-43#pos=2529;-43 (дата обращения: 20.03.2026).

⁹ Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 15 марта 2026 г. – *ИПС «Әділет»*. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000> (дата обращения: 28.03.2026).

одновременно Конституция прямо закрепляет, что именно она обладает высшей юридической силой и прямым действием (п. 2 ст. 5), а порядок применения международных договоров на территории страны определяется законом (п. 3 ст. 5). В этом видится важнейший сдвиг от прежней формулы приоритета ратифицированных международных договоров над законами к формуле, в которой международные договорные обязательства остаются частью действующего права, но их внутригосударственное действие более жестко опосредуется законодательством и конституционным контролем. Следовательно, речь идет не об отказе от международных обязательств, а о перераспределении компетенций между Конституцией, законодателем и судебной властью в пользу более отчетливого утверждения государственного суверенитета.

С точки зрения международного права подобная корректировка не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. Статья 27 Конвенции прямо устанавливает, что государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в оправдание неисполнения договора¹⁰. Однако это положение адресовано международной ответственности государства и не предписывает конкретной внутригосударственной техники имплементации. Иными словами, Конвенция требует результат – добросовестное исполнение договора, но не навязывает средство – прямое действие, трансформацию, инкорпорацию или иные способы внутреннего осуществления договорных норм. Поэтому, если Казахстан в новой Конституции усиливает роль закона как посредника между международным обязательством и внутренним правопорядком, это само по себе не означает нарушения международного права, при условии, что по существу обязательства выполняются надлежащим образом. В доктрине это хорошо согласуется с тем, что государства свободны определять внутренние механизмы исполнения международных норм, если они не используют внутреннее право как оправдание их невыполнения [Dörr, Schmalenbach 2018].

Особое значение для оценки новой конституционной модели имеет то, что Казахстан сохраняет международные договоры в структуре действующего права, а суды по-прежнему обязаны руководствоваться ими при рассмотрении дел. Это означает, что международное право не вытесняется из правовой системы, а сохраняет нормативное присутствие и функциональную значимость. В действительности новое регулирование не ликвидирует международно-правовую составляющую национального правопорядка, а переводит ее в режим, в котором парламент и иные национальные органы получают большую ответственность за корректную и своевременную имплементацию международных обязательств. С практической точки зрения это особенно важно для тех сфер, где международные нормы требуют детализации, конкретизации и институционального сопровождения, – прежде всего, для уголовного права, уголовного процесса, вопросов международного сотрудничества по противодействию преступности¹¹.

С теоретической точки зрения казахстанскую модель взаимодействия международного и национального права можно охарактеризовать как конституционно организованную трансформацию международных обязательств во внутренний правопорядок. Такая характеристика позволяет избежать упрощенного противопоставления монизма и дуализма. В действительности Конституция Казахстана использует элементы обеих концепций: с одной стороны, международные договоры включаются в действующее право и могут применяться судами; с другой стороны, порядок их применения, пределы действия и соотношение с конституционными положениями определяются внутренним правом. Это означает, что международная норма становится частью национального правопорядка не автоматически, а через конституционно и законодательно оформленный механизм признания и имплементации. В классическом варианте приоритет международного договора над законом часто рассматривался как знак безусловной международно-правовой открытости

¹⁰ Венская конвенция о праве международных договоров (Заключена в г. Вене 23.05.1969). – *Организация Объединенных Наций* : [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 28.03.2026).

¹¹ О применении норм международных договоров Республики Казахстан : (в ред. нормативного постановления Верховного Суда РК от 28.11.2024 № 3 : нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 10 июля 2008 г. № 1. – *ИПС «Әділет»*. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P080000015_ (дата обращения: 20.03.2026).

государства. Однако казахстанский опыт показывает, что такой приоритет может быть встроен в модель, где Конституция остается верховным критерием допустимости, а международные договоры признаются преимущественно в качестве инструмента согласования внутреннего права с международными обязательствами. Иначе говоря, международное право не «вытесняет» национальное право, а действует через него, усиливая его способность к адаптации и интернационализации.

Особое место в этом механизме занимает ратификация. Для казахстанского права именно она выступает тем юридическим фактом, который придает международному договору особый статус и связывает его с конституционной формулой приоритета над законами. Без ратификации договор может иметь международно-правовое значение, но не получает той внутренней силы, которая позволяет ставить его выше закона. Следовательно, здесь проявляется одна из центральных черт казахстанской системы: международное право становится частью внутреннего права не в силу своей внешней природы, а в силу признания государством через конституционно установленную процедуру. Этот механизм является своего рода фильтром, через который государство принимает на себя международные обязательства и одновременно сохраняет контроль над их внутренним действием.

Важнейшим элементом новой конституционной логики является сохранение верховенства Конституции. Хотя международные договоры имеют приоритет над законами, они не могут преодолеть прямое конституционное предписание. Это положение имеет фундаментальное значение для всей системы источников права. Оно означает, что международное право в Казахстане не является надконституционным и не способно отменять саму конституционную основу государства. Такое решение нельзя считать аномалией: напротив, оно соответствует распространенной в современной правовой теории идее о том, что международная интеграция должна соотноситься с внутренней конституционной идентичностью государства. Иными словами, государство может принимать на себя международные

обязательства, но их применение не может разрушать базовые параметры конституционного строя [Айтхожин 2017].

Данная установка особенно важна применительно к сфере прав и свобод человека. Казахстан участвует в целом ряде универсальных международных договоров, и именно в этой сфере возникает наибольший массив вопросов о непосредственном применении норм международного права. С одной стороны, международные стандарты прав человека должны служить ориентиром для национального судопроизводства, правоприменения и правотворчества. С другой стороны, сами эти стандарты нередко сформулированы в общем виде и требуют точного соотнесения с национальными процессуальными и материальными нормами. Отсюда возникает постоянная задача: обеспечить такой уровень имплементации, при котором международные гарантии реально защищают личность, но не разрушают целостность правовой системы [Shangirbayeva 2022].

На практике этот баланс определяется не только текстом Конституции, но и официальными толкованиями, данными Конституционным Советом, а также последующей судебной практикой. Конституционный Совет разъяснял, что нормы ст. 4 следует понимать системно: международные договоры входят в действующее право, но их применение подчинено законодательной и конституционной рамке, а приоритет над законами не означает отмены конституционного верховенства. В другом разъяснении было указано, что вопрос исполнения решений международных организаций и их органов также должен решаться с учетом ст. 4 Конституции и законодательства Республики. Эти позиции важны не только как акты официального толкования, но и как источник устойчивой правовой доктрины, влияющей на всю практику правоприменения¹².

Именно через такую практику проявляется подлинный смысл новой конституционной редакции. Если прежняя формула допускала восприятие международных обязательств как преимущественно декларативного ориентира, то теперь на первый план выходит защита

¹² Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов : нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 г. № 6. – ИПС «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/S0900000006_ (дата обращения: 28.03.2026).

целостности и внутренней согласованности национального права. Международный договор рассматривается не как самодостаточный внешний регулятор, а как источник, который может действовать во внутреннем правовом порядке лишь в той мере, в какой он вписан и адаптирован к национальной правовой системе. Это особенно важно в ситуациях, когда договорные обязательства затрагивают сложные межотраслевые сферы, в том числе международное сотрудничество в противодействии преступности, где несбалансированное «вторжение» внешних норм способно нарушить внутреннюю архитектуру конституционного и отраслевого регулирования [Жунусканов 2024:556].

В казахстанской доктрине международное право в целом и международные договоры в частности рассматриваются как один из важнейших факторов развития и модернизации национальной правовой системы. Принятие международного обязательства означает для государства не только внешнеполитическую, но и внутреннюю правовую ответственность за обеспечение его выполнения средствами национального права, что требует формирования эффективных механизмов имплементации и согласования международных норм с внутренним законодательством. В этом контексте имплементация международного права в Казахстане понимается не как разовый акт перенесения договорных положений в текст закона, а как длительный и многоуровневый процесс, направленный на достижение целей, заложенных в международных нормах, и предполагающий участие законодателя, органов исполнительной власти и судебной системы [Мырзаханова, Абайдельданов 2019:115-116].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о месте международных договоров в сфере

уголовной юстиции и международного сотрудничества по противодействию преступности. Договорная практика Республики Казахстан в сфере международного сотрудничества по уголовным делам отличается значительным разнообразием, широким географическим охватом и растущей интенсивностью, хотя и развивалась на протяжении лет неравномерно и волнообразно: периоды активного присоединения к универсальным и региональным соглашениям сменялись этапами более углубленной имплементации и корректировки национального законодательства, что хорошо прослеживается на примере последовательного реформирования уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Канцеров 2025].

Именно договорная форма в соответствии с международным правом резюмирует, что все ее содержание обладает юридической силой [Джунусова 2010]. В связи с этим следует отметить, что Казахстан участвует в ряде базовых как универсальных, так и региональных международных договоров, направленных на борьбу с транснациональной организованной преступностью, коррупцией, терроризмом и иными видами преступлений, имеющих трансграничный характер, например: Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (UNTOC)¹³, Конвенция ООН против коррупции (UNCAC)¹⁴, Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.¹⁵, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.¹⁶, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г.¹⁷, Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе

¹³ Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁴ Конвенция ООН против коррупции. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁵ Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁶ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁷ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22 января 1993 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942/ (дата обращения: 20.03.2026).

с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г.¹⁸ и др.

Данные международные договоры требуют от государства не только формального присоединения, но и разработки внутреннего механизма их реализации, включая нормы уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права [Адилов 2025a]. В научных работах справедливо отмечается, что именно в уголовно-правовой сфере наиболее отчетливо проявляется необходимость согласования международных и национальных подходов, поскольку здесь особенно остро встает вопрос о балансе государственного суверенитета, прав личности и международного сотрудничества [Адилов 2025b]. В этих условиях критически важно, чтобы внутригосударственные нормы не только формально не противоречили международным обязательствам, но и были способны обеспечивать их реальное и эффективное воплощение в правоприменительной практике. Иначе само по себе наличие международного договора не превращается в его действенность внутри страны. Для Казахстана это означает, что качество имплементации международных норм в уголовно-правовой сфере выступает одним из ключевых индикаторов зрелости и эффективности всей национальной правовой системы.

Новая Конституция Республики Казахстан, таким образом, не просто подтверждает существующую ориентацию на международно-правовую открытость, но и задает более строгие рамки для ее реализации. Как отмечает профессор В.А. Малиновский, проект новой Конституции сохраняет принцип, согласно которому ратифицированные международные договоры остаются частью действующего права Республики Казахстан и подлежат применению в национальной правовой системе. При этом исключение положений о приоритете международных договоров над законами не создает угрозы для ранее ратифицированных соглашений, поскольку ключевым остается не формальный вопрос

приоритета источников, а реальное соблюдение международных обязательств в правоприменительной практике¹⁹.

Это выражается в сохранении верховенства Конституции, в уточнении приоритета ратифицированных договоров над законами (но не над Конституцией), в усилении значения законодательства о международных договорах и в повышении роли официального толкования и судебной практики. Как отмечает директор Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан Алексей Волков, в проекте новой Конституции Республики Казахстан закрепляется сбалансированный подход: международные договоры являются обязательными к исполнению, применяются напрямую, если не требуют принятия специальных законов, и имеют приоритет над законами, но не над Конституцией. Важным элементом является также возможность проверки международного договора на соответствие Конституции до его ратификации, а также право Конституционного Суда, в соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 73 новой Конституции, давать официальное толкование международных договоров вплоть до признания невозможности применения отдельных их положений внутри страны. Такая модель, по его мнению, обеспечивает баланс между международной ответственностью страны и ее государственным суверенитетом²⁰.

Член Конституционной комиссии, доктор юридических наук Е.Э. Дуйсенов поясняет, что отказ от конституционного закрепления примата международного права продиктован необходимостью защиты суверенитета: любое влияние, в том числе через международные договоры, которые не устраивают ни традиционное общество, ни государство, — это в определенной степени потеря суверенитета. При этом базовые международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных

¹⁸ Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417/ (дата обращения: 20.03.2026).

¹⁹ Малиновский В.А. Международные договоры сохраняются частью действующего права Казахстана. – *Liter.kz*. 2026. 9 февраля. URL: <https://liter.kz/v-proekte-novoi-konstitutsii-predlagaiut-chetko-razgranichit-prava-cheloveka-i-grazhdanina-viktor-malinovskii-1770638189/> (дата обращения: 20.03.2026).

²⁰ Волков А. Проект новой Конституции закрепляет баланс между международными обязательствами и суверенитетом – эксперт. – *Актюбинский Вестник*. 2026. 8 февраля. URL: <https://avestnik.kz/proekt-novoj-konstituczii-zakreplyaet-balans-mezhdu-mezhdunarodnymi-obyazatelstvami-i-suverenitetom-ekspert/> (дата обращения: 20.03.2026).

и культурных правах, сохраняют свое значение²¹. При этом дальнейшее развитие правовой системы Казахстана будет зависеть от того, удастся ли обеспечить единообразие имплементации международных норм и последовательно преодолеть разрывы между конституционной формулой и реальной правоприменительной практикой²².

Заключение

В конечном счете соотношение международного и национального права Казахстана в контексте новой Конституции следует рассматривать как процесс поэтапного укрепления конституционно упорядоченной модели их взаимодействия, который не означает отказа от международных обязательств, но одновременно исключает и механическое провозглашение их безусловного приоритета над национальным правом. Напротив, он отражает стремление государства к правовой зрелости, при которой международное право признается, но применяется через четкие внутренние процедуры, а национальная правовая система сохраняет структурную целостность. Именно в этой точке

и проявляется современный смысл конституционного развития Казахстана: не в противопоставлении международного и национального права, а в их согласованном и юридически выверенном взаимодействии.

Новая Конституция Республики Казахстан, таким образом, не просто подтверждает существующую ориентацию на международно-правовую открытость, но и задает более строгие рамки для ее реализации. Это выражается в сохранении верховенства Конституции, в уточнении приоритета ратифицированных договоров над законами, в усилении значения законодательства о международных договорах и в повышении роли официального толкования и судебной практики. Подобная модель представляется достаточно сбалансированной: она позволяет выполнять международные обязательства, не разрушая внутреннюю иерархию правовых источников. При этом дальнейшее развитие правовой системы Казахстана будет зависеть от того, удастся ли обеспечить единообразие имплементации международных норм и устранить разрывы между конституционной формулой и реальной практикой применения.

Список литературы

1. Абайдельдинов Е.М. 2006. *Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности)*. Алматы: Юридическая литература. 190 с.
2. Абыласимов М.Н. 2021. Некоторые конституционно-правовые аспекты соотношения внутригосударственного и международного права. – *Вестник Атырауского университета имени Х. Досмухамедова*. № 3 (62). С. 94–103. DOI: 10.47649/vau.2021.v62.i3.11.
3. Адилов С.А. 2025а. Досудебное расследование в Республике Казахстан и Республике Узбекистан по уголовным делам, проводимым в условиях оказания правовой помощи: теоретические и прикладные проблемы. – *Центральноазиатский журнал академических исследований*. Т. 3. № 12 (Part 3). С. 67–72. URL: <https://in-academy.uz/index.php/cajar/article/view/70808> (дата обращения: 20.03.2026).
4. Адилов С.А. 2025б. Перспективные направления в сфере укрепления международного сотрудничества между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан при оказании правовой помощи в досудебном расследовании и их адаптация к современным реалиям. – *Центральноазиатский журнал академических исследований*. № 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-v-sfere-ukrepleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-mezhdu-respublikoy-kazahstan-i-respublikoy> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Айтхожин К.К. 2017. О верховенстве Конституции в системе действующего права республики Казахстан. – *Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан*. № 2. С. 32–43.
6. Вельяминов Г.М. 2015. К вопросу о соотношении международного права и национальных правовых систем. – *Государство и право*. № 5. С. 99–102.
7. Джунусова А.О. 2010. Международный договор как юридическое основание экстрадиции лиц, совершивших преступления. – *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-dogovor-kak-yuridich>

²¹ Дуйсенов Е. Новая Конституция: историческая преемственность, баланс властей и защита суверенитета. – *ZANMEDIA*. 2026. 27 февраля. URL: <https://zanmedia.kz/erkin-dujsenov-novaya-konstitucziya-istoricheskaya-preemstvennost-balans-vlastej-i-zashhita-suvereniteta/> (дата обращения: 20.03.2026).

²² Байрамов А. Референдум и новая Конституция: как Казахстан меняется для мира – взгляд эксперта. – *Tengrinews.kz*. 2026. 11 марта. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/referendum-novaya-konstitutsiya-kazahstan-menyaetsya-mira-594414/ (дата обращения: 20.03.2026).

- eskoe-osnovanie-ekstraditsii-lits-sovershivshih-prestupleniya (дата обращения: 20.03.2026).
8. Dörr O., Schmalenbach K. (eds.). 2018. *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 1544 p.
 9. Жунусканов Т. 2024. Конституционное законодательство Нового Казахстана: новые проблемные вопросы структуры. – *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. Т. 15. № 2. С. 544-560. DOI: 10.21638/spbu14.2024.216.
 10. *Интернационализация конституционного права: современные тенденции*. 2017. И.А. Алебастрова, Н.В. Варламова, Т.А. Васильева [и др.]. Москва: Институт государства и права РАН. 224 с. ISBN 978-5-8339-0169-4.
 11. Канцеров К.В. 2025. Международное сотрудничество в противодействии преступности как императив уголовной политики Казахстана. – *Международный правовой курьер*. № 7-8 (32-33). С. 63-70.
 12. Каширкина А.А. 2009. Доктринальные подходы к соотношению международно-правовых и национальных норм. – *Журнал российского права*. № 6 (150). С. 3-13.
 13. Кембаев Ж.М. 2013. Действие международных договоров в Республике Казахстан. – *Право и государство*. № 3 (60). С. 84-89.
 14. Мусин К.К. 2018. Имплементация норм права международных договоров в национальное законодательство Республики Казахстан. – *Путь права*. № 3 (45). С. 45-54.
 15. Мырзаханова А.К., Абайдельданов Е.М. 2019. Имплементация норм международного права в национальное законодательство Республики Казахстан. – *Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Серия: Право*. Т. 127. № 2. С. 113-123. DOI: 10.32523/2616-6844-2019-127-2-113-123.
 16. Осминин Б.И. 2014. Конституционные принципы и взаимодействие международного и внутригосударственного права. – *Журнал российского права*. № 5 (209). С. 105-117. DOI: 10.12737/3467.
 17. Ракишева А.Ш. 2014. Теоретические концепции и особенности взаимодействия международного и национального права Республики Казахстан. – *Вестник Карагандинского университета. Серия: Право*. № 3 (35). С. 212-218.
 18. Shangirbayeva B. 2022. Theoretical Background and Legislative Framework for Implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights in Kazakhstan. – *Central Asian Yearbook of International and Investment Law and Regulation*. Vol. 1. No. 1. P. 178-197. DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001009.
 - International Law]. – *Vestnik Atyrauskogo universiteta imeni Kh. Dosmukhamedova [Bulletin of Atyrau University named after H. Dosmukhamedov]*. 2021. No. 3 (62). P. 94-103. DOI: 10.47649/vau.2021.v62.i3.11. (In Russ.)
 3. Adilov S.A. Dosudebnoe rassledovanie v Respublike Kazakhstan i Respublike Uzbekistan po ugovolnym delam, provodimym v usloviyakh okazaniya pravovoy pomoshchi: teoreticheskie i prikladnye problemy [Pre-trial Investigation in the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan in Criminal Cases Conducted under Legal Assistance: Theoretical and Applied Problems]. – *Tsentr'noaziatskiy zhurnal akademicheskikh issledovaniy [Central Asian Journal of Academic Research]*. 2025a. Vol. 3. No. 12 (Part 3). P. 67-72. URL: <https://in-academy.uz/index.php/cajar/article/view/70808> (accessed daye: 20.03.2026). (In Russ.)
 4. Adilov S.A. Perspektivnye napravleniya v sfere ukrepleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva mezhdud Respublikoy Kazakhstan i Respublikoy Uzbekistan pri okazanii pravovoy pomoshchi v dosudebnom rassledovanii i ikh adaptatsiya k sovremennym realiyam [Promising Directions for Strengthening International Cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan in Providing Legal Assistance in Pre-trial Investigation and Their Adaptation to Modern Realities]. – *Tsentr'noaziatskiy zhurnal akademicheskikh issledovaniy [Central Asian Journal of Academic Research]*. 2025b. No. 12-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-napravleniya-v-sfere-ukrepleniya-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-mezhdud-respublikoy-kazakhstan-i-respublikoy> (accessed date: 20.03.2026). (In Russ.)
 5. Aitkhozhin K.K. O verkhovnstve Konstitutsii v sisteme deystvuyushchego prava respubliki Kazakhstan [On the Supremacy of the Constitution in the System of the Current Law of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Akademii pravookhranitel'nykh organov pri General'noy prokurature Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan]*. 2017. No. 2. P. 32-43. (In Russ.)
 6. Dörr O., Schmalenbach K. (eds.). *Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2018. 1544 p.
 7. Dzhunusova A.O. Mezhdunarodnyy dogovor kak yuridicheskoe osnovanie ekstraditsii lits, sovershivshikh prestupleniya [International Treaty as a Legal Basis for Extradition of Criminals]. – *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan [Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan]*. 2010. No. 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-dogovor-kak-yuridicheskoe-osnovanie-ekstraditsii-lits-sovershivshih-prestupleniya> (accessed date: 20.03.2026). (In Russ.)
 8. *Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii [Internationalization of Constitutional Law: Current Trends]*. Alebastrova I.A., Varlamova N.V., Vasil'eva T.A. et al. Moscow: Institut gosudarstva i prava RAN Publ. 2017. 224 p. ISBN 978-5-8339-0169-4. (In Russ.)
 9. Kantserov K.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v protivodeystvii prestupnosti kak imperativ ugovolnoy politiki Kazakhstana [International Cooperation in Crime Counteraction as an Imperative of Criminal Policy of

References

- Kazakhstan]. – *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'er [International legal courier]*. 2025. No. 7-8 (32-33). P. 63-70. (In Russ.)
10. Kashirkina A.A. Doktrinal'nye podkhody k sootnosheniyu mezhdunarodno-pravovykh i natsional'nykh norm [Doctrinal Approaches to the Correlation of International Legal and National Norms]. – *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2009. No. 6 (150). P. 3–13. (In Russ.)
 11. Kembaev Zh.M. Deystvie mezhdunarodnykh dogovorov v Respublike Kazakhstan [Effect of International Treaties in the Republic of Kazakhstan]. – *Pravo i gosudarstvo [Law and the state]*. 2013. No. 3 (60). P. 84-89. (In Russ.)
 12. Musin K.K. Implementatsiya norm prava mezhdunarodnykh dogovorov v natsional'noe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Implementation of International Treaty Rules into the National Legislation of the Republic of Kazakhstan]. – *Put' prava [The path is right]*. 2018. No. 3 (45). P. 45-54. (In Russ.)
 13. Myrzakhanova A.K., Abaydel'danov E.M. Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Implementation of International Law Norms into the National Legislation of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumilyova. Seriya: Pravo [Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University]*. 2019. Vol. 127. No. 2. P. 113-123. DOI: 10.32523/2616-6844-2019-127-2-113-123. (In Russ.)
 14. Osminin B.I. Konstitutsionnye printsipy i vzaimodeystvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava [Constitutional Principles and Interaction of International and Domestic Law]. – *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2014. No. 5 (209). P. 105-117. DOI: 10.12737/3467. (In Russ.)
 15. Rakisheva A.Sh. Teoreticheskie kontseptsii i osobennosti vzaimodeystviya mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava Respubliki Kazakhstan [Theoretical Concepts and Features of Interaction between International and National Law of the Republic of Kazakhstan]. – *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of Karaganda University. Series: Law]*. 2014. No. 3 (35). P. 212-218. (In Russ.)
 16. Shangirbayeva B. Theoretical Background and Legislative Framework for Implementation of the International Covenant on Civil and Political Rights in Kazakhstan. – *Central Asian Yearbook of International and Investment Law and Regulation*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 178-197. DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001009.
 17. Vel'yaminov G.M. K voprosu o sootnoshenii mezhdunarodnogo prava i natsional'nykh pravovykh sistem [On the Correlation of International Law and National Legal Systems]. – *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2015. No. 5. P. 99-102. (In Russ.)
 18. Zhunuskanov T. Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo Novogo Kazakhstana: novye problemnye voprosy struktury [Constitutional Legislation of the New Kazakhstan: New Structural Issues]. – *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Bulletin of St. Petersburg University. Right]*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 544-560. DOI: 10.21638/spbu14.2024.216. (In Russ.)

Информация об авторах

Андрей Андреевич ДАНЕЛЬЯН

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права, Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Константин Вадимович КАНЦЕРОВ

Аспирант, Дипломатическая академия МГИМО МИД России

Остоженка ул., 53/2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757

About the Authors

Andrey A. DANEL'YAN

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of International Law, MGIMO Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, Russian Federation, 119021

danel1@mail.ru
ORCID 0000-0001-5771-0888

Konstantin V. KANTSEROV

Postgraduate Student, MGIMO Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

53/2, bld. 1, Ostozhenka St., Moscow, 119021, Russian Federation

kantserov.sop@list.ru
ORCID 0009-0004-2421-8757